

ПОСЛЕВОЕННАЯ ВЕРБОВКА СЕВЕРОКОРЕЙСКИХ РАБОЧИХ НА ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ (1946—1960-е гг.)

Анатолий Тимофеевич КУЗИН,

кандидат исторических наук, доцент филиала Тихоокеанского государственного экономического университета, г. Южно-Сахалинск.
E-mail: Anatoliy_Kuzin1939@mail.ru

В статье анализируются процессы реализации межгосударственного советско-корейского соглашения о вербовке в 1946—1949 гг. рабочей силы из Северной Кореи. Рассматриваются вопросы трудового и бытового устройства мигрантов, их правового положения, межнациональных отношений. Впервые представлена информация о регулировании гражданства северокорейских рабочих, об идеологической обработке мигрантов, о националистической деятельности северокорейских учебных центров на территории Сахалинской области.

Ключевые слова: Сахалинская область, КНДР, корейцы, трудовая миграция.

The Postwar recruitment of North Korean labor to industrial works in Sakhalin oblast (1946 — the 1960s)

A. T. Kuzin, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Branch of Pacific State Economic University of Yuzhno-Sakhalinsk, Yuzno-Sakhalinsk.

In the article the processes of realization of the interstate agreement on labor recruitment of labor from the North Korea in 1946—1949 are analyzed. Problems of labor and household device, legal status, international relations are considered. For the first time the historical data about settlement of citizenship of North Korean workers and persons without citizenship, about ideological influence on them of the authorities of the former USSR and Democratic People's Republic of Korea, about nationalist activity of the North Korean educational centers in the territory of Sakhalin region are presented.

Key words: Sakhalin region, Democratic People's Republic of Korea, Koreans, labor migration.

Послевоенные хозяйственные задачи, стоявшие перед СССР, потребовали мобилизации огромных трудовых ресурсов. Репатриация японцев на Южном Сахалине обострила положение дел, а завоз переселенцев из центральных районов страны не мог решить всех проблем. Тогда-то и возникла идея провести вербовку рабочей силы из Северной Кореи. Ввиду того что эта территория находилась в зоне оккупации советских войск, многие документы и архивные материалы по данной проблеме были строго засекречены. Затянувшееся молчание побуждает обратиться к событиям прошлого и рассмотреть вышеназванную вербовочную акцию на основе рассекреченных архивных источников.

На основании двустороннего советско-корейского соглашения в 1946—1949 г. из Северной Кореи на Южный Сахалин в рыбную промышленность прибыли 20 891 рабочий и 5174 членов их семей [1. ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 109. Л. 27]. Въезд их осуществлялся в упрощённом порядке по специальным разрешениям, утверждённым постановлением СНК СССР от 19 марта 1946 г. № 621-256с и выдаваемым советским военным командованием в Корею [1. Д. 7. Л. 48].

В соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 27 января 1948 г. № 890-р корейцам, заключившим с предприятиями рыбной промышленности договоры на 2—3 года, стали выдавать дополнительно безвозвратное пособие 500 руб. и денежный аванс до 1000 руб., а сезонным рабочим — пособие в сумме 300 руб. Заключившим договоры на 3 года, кроме того, предоставлялись льготы, установленные Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 г. для лиц, работавших в районах Крайнего Севера. В частности, выплачивалась 10%-ная надбавка к основной заработной плате по истечении каждых шести месяцев работы с таким расчётом, чтобы общий размер надбавок не превышал 100% тарифной ставки, а также предоставлялся дополнительный отпуск 18 рабочих дней, лицам с ненормированным рабочим днём — 30 рабочих дней [1. Д. 109. Л. 30]. Продлившим договоры на один год выплачивалось единовременное денежное вознаграждение в сумме 600 руб., а на три года — 900 руб. с сохранением вышеуказанных льгот [1. Д. 109. Л. 30]. С октября 1948 г. 6 тыс. корейцев были переведены из рыбной отрасли на работу в лесную и бумажную промышленность [1. Д. 11. Л. 11]. Как установлено дальневосточным учёным Е.Н. Чернолуцкой, большая часть прибывших на Сахалин корейцев не имела специальной подготовки, и поэтому предприятия вынуждены были организовывать их профессиональное обучение, повышать квалификацию через систему «техминимума» и различных курсов без отрыва от производства [3].

Условия жизни корейских рабочих специально рассматривались на заседании Совета Министров СССР 16 марта 1947 г. Было признано необходимым снабжать корейцев продовольственными и промышленными товарами по нормам, рассчитанным для проживавших в районах Крайнего Севера. Взамен хлеба выдавался рис: для рабочих по 500 г. на чел., для членов семей — по 300 г. в день с заменой до 70% дневной нормы чумизой и гаоляном. Разрешалось посылать денежные переводы до 50% заработка и вести обмен почтовой корреспонденцией с родственниками в КНДР. Выплата денежных переводов осуществлялась через систему Корейского национального банка. В качестве переводчиков работало 300 корейцев, прибывших по направлению правительства из Казахстана и Узбекистана [1. Д. 7. Л. 43—48]. Заметим, что это те самые корейцы, которые в 1937 г. были депортированы с территории Дальнего Востока по обвинению в политической неблагонадёжности. Однако ссыльные корейцы, прибывшие в Сахалинскую область, ещё раз доказали, что они «приросли» к советской земле, стали гражданами СССР и не представляют никакой «жёлтой опасности».

Несмотря на принятые документы, призванные обеспечить приемлемые условия жизни для северо-корейских рабочих, реальная действительность была достаточно суровой, о чём свидетельствуют многочисленные архивные документы, в частности, ситуация по Александровск-Сахалинскому району: «В общежитиях большая скученность, крыши протекают, невыносимая

грязь, множество клопов. Совершенно отсутствуют столы и стулья... На рыбозаводе Сартунай баня, по существу, развалилась, корейские рабочие моются редко, санпропускника не имеется. На рыбозаводе Хоэ... около двух месяцев производится ремонт бани, а корейцы в это время не мылись... один раз за десять километров пешком ходили в баню в рыбозавод Танги... поэтому большая завшивленность, ежедневно 5—10 человек болеют... За два с половиной месяца рабочие не получали ни одной копейки зарплаты... удержали налог как с холостяков, произвели удержание одновременно полученного в Корею аванса. В результате... корейские рабочие высказывают недовольство и, больше того, имело место, когда целыми группами не выходили на работу» [4. Д. 250. Л. 185].

Добавим к этому, что корейцам, работавшим на Александровской моторно-рыболовецкой станции, приходилось испытывать со стороны администрации грубость и оскорбления, доходившие до издевательства, когда их понуждали покупать в пищу собак, мотивируя тем, что в прошлом у себя на родине, они якобы это делали сами. Кроме того, со стороны хулиганских элементов корейцы подвергались избиениям и ограблениям с применением оружия [4. Д. 364. Л. 145—146]. В Широкопадском районе осенью 1946 г. среди корейских рабочих произошла вспышка заболеваний возвратным тифом [1. Д. 77. Л. 48].

Особо следует указать на то, что прибывшим из КНДР не выдавались советские паспорта и не оформлялись трудовые книжки, что в определённой мере порождало вольность в гражданском поведении. В связи с этим в июне 1950 г. Сахалинский облисполком признал необходимым в неотложном порядке документировать и прописать всех корейцев по месту жительства, а уклоняющихся считать злостными нарушителями паспортно-пограничного режима и привлекать к уголовной ответственности. Временно работавших надлежало оформить на постоянную работу. Руководителей рыбной промышленности обязали возратить на подведомственные предприятия всех корейцев, завезённых из Северной Кореи, а приём их в другие организации разрешался только по согласованию с Главсахалинрыбпромом путём соответствующего оформления через органы милиции. Переезд корейцев из одного населённого пункта в другой мог осуществляться также с ведома милиции и лишь в тех случаях, когда на новом месте жительства им гарантировались работа и жилплощадь. Виновные подлежали административной и уголовной ответственности [5].

Рассматривая вопрос о бытовом и трудовом устройстве корейских рабочих, бюро Южно-Сахалинского горкома ВКП(б) констатировало, что многие из них проживают в недостроенных помещениях, в гаражах, без электроосвещения, водоснабжения и печного отопления, не получая своевременно заработную плату. По этим причинам наблюдались массовые невыходы на работу, рабочие оставались без средств существования [6]. Публиковать какие-либо сведения о переселении и размещении лиц корейской национальности в открытой печати было запрещено [7].

Руководители ведомств настойчиво ставили вопросы о предоставлении корейцам денежных ссуд на строительство индивидуальных домов и хозяйственное обустройство, приобретение домашнего скота, о выделении земельных участков, нехватке национальных продуктов питания, получении социальных льгот независимо от гражданства и заключения трудовых договоров. Повсеместно говорилось о необходимости организации русскоязычной техни-

ческой учёбы, курсовой профессиональной подготовки, отмены запрета на получение высшего и среднего специального образования. Выдвигались также требования ускорить решение вопросов оформления трудовых книжек при приёме на работу корейцев и распространения на них советской паспортной системы с пропиской по месту жительства. Из-за слабого знания русского языка или полного незнания корейцы не могли правильно объяснить симптомы своих заболеваний, что обуславливало необходимость введения в штаты учреждений здравоохранения должностей для лиц корейской национальности. Столь же необходимым представлялся завоз из КНДР девушек-кореенок, поскольку действовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1947 г. «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами» [8].

Одновременно усиливался процесс возвращения на родину семей тех корейцев, которые прибыли в Сахалинскую область из КНДР в 1946—1949 гг. по вербовке. При составлении списков особое внимание обращалось на то, чтобы исключить возможность выезда корейцев — бывших японских поданных по похищенным или купленным документам. Сборный пункт находился в г. Корсакове, отсюда корейцев доставляли в порт Находка и далее до железнодорожной станции Посыет Приморского края. Принявшим гражданство КНДР и проживавшим на Сахалине никаких льгот по оплате проезда не предоставлялось [9. Д. 2453. Л. 61]. Разрешалось обменивать на корейскую валюту денежные знаки, но не более 240 руб. на человека. Организовывались продажи товаров и медицинское обслуживание. На границе у корейцев отбирали трудовые книжки, профсоюзные билеты, необмененные облигации Государственных займов СССР, золотые изделия и обнаруженные запасы опиума [11. Оп. 2. Д. 18. Л. 13].

Правительство КНДР настойчиво ставило вопрос о скорейшем возвращении на родину своих сограждан. На этот счёт 5 июня 1958 г. принято специальное распоряжение Совета Министров СССР № 1827-с, обязывавшее местные органы завершить в 1958 г. отправку корейских граждан. Желаящие возвратиться (327 чел.) были отправлены на родину [1. Д. 23. Л. 31]. Но в ноябре 1958 г. по просьбе корейской стороны отправка завербованных рабочих была приостановлена. В этот период в Сахалинской области проживало 6870 граждан КНДР, из них 2708 детей. В мае 1959 г. пароходом «Кулу» выехало 503 чел., 2 июня на пароходе «Волховстрой» — 994 чел. с личным багажом 480 т [11. Д. 1. Л. 16—17]. В апреле 1962 г. на теплоходах «Русь» и «Забайкалье» выбыла последняя партия корейцев, и больше организованные выезды не проводились, а желающие выезжали только частным порядком.

По данным учёта, в Сахалинской области оставались проживать 13 313 граждан КНДР, из них 1227 значились как прибывшие по трудовой вербовке и 2604 — как члены их семей, а 9482 приняли гражданство КНДР из числа бывших японских подданных. По трудовой занятости северокорейские рабочие распределялись в рыбной промышленности — 573 чел., системе совнархоза — 166, в других сферах — 488 чел. [11. Д. 3. Л. 7].

Как показывают архивные материалы, причины невозврата корейцев заключались не в государственных препонах и административных запретах, а в том, что корейцы открыто заявляли о своём нежелании возвращаться в КНДР. В этом убеждает письмо Генерального консульства КНДР в г. Находке: «Многие граждане КНДР, проживающие на Сахалине, по разным причинам не желают возвращаться... на родину, со своей стороны

работники консульства по отношению к этим гражданам никаких мер принять не могут для ускорения отправки их на родину» [9. Д. 2453. Л. 45].

По данному вопросу в Государственном архиве Сахалинской области хранится многолетняя переписка. Анализ архивных документов убеждает, что сложилась своеобразная тупиковая политическая ситуация. С одной стороны, действовало межгосударственное соглашение СССР и КНДР об использовании корейской рабочей силы на советских предприятиях Дальнего Востока, и во исполнение этого соглашения Советы Министров СССР и РСФСР неоднократно продлевали действие своих решений об ускорении возвращения вербованных корейских рабочих на родину, а с другой — значительная их часть, несмотря на давление властей КНДР, под различными предлогами из года в год откладывала свой отъезд.

Несомненно, сказывалась непоследовательность политики Главного управления переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР, которое категорически запрещало продлевать трудовые договоры с корейцами, считая такие действия руководителей предприятий незаконными, и в то же время предписывало «...отправку рабочих производить таким образом, чтобы не вызывать перебоев в работе предприятий» и «...не допускать давления на лиц, отказывающихся выехать по мотивам, заслуживающим внимания». А это означало, что на местах сохранялась определённая возможность удовлетворять просьбы корейских граждан о переносе сроков их отъезда, в чём были заинтересованы и хозяйственные руководители, и органы власти.

Уместно указать, что приезд завербованных северокорейских рабочих наложил свой психологический отпечаток на сознание и поведение корейцев — бывших японских поданных. Поскольку после окончания срока действия трудового договора корейцы из КНДР отказываются возвращаться обратно, значит, жизнь там нелёгкая. Следовательно, надо смириться со своей участью и определяться с возможным принятием советского гражданства. Браки между выходцами из Северной Кореи и корейцами, бывшими японскими поданными, не приветствовались ни в корейской, ни в русской среде. Характерно, что шёл процесс обратного возвращения депортированных корейцев — советских граждан, проживавших ранее на Сахалине. Вопрос этот тоже прежде оставался в тени. Между тем за ним стоят живые люди с общечеловеческим правом жить вместе со своими семьями и родными.

В мае 1955 г. по решению ЦК КПСС на работу в качестве заместителя начальника Департамента при Министерстве МВД КНДР был отправлен сотрудник УКГБ СССР по Сахалинской области Цой У Хен, проработал он в данной должности до 1961 г., а затем в связи с болезнью был уволен из органов. ЦК ТПК и Президиум Верховного народного собрания КНДР удовлетворили ходатайства Цой У Хена о выходе из гражданства КНДР и возвращении в СССР [10. Д. 20. Л. 94]. В марте 1963 г. с аналогичной просьбой обратилась семья Ем Те Хо. Причиной для выезда в СССР стало стремление корейских властей принудить эту семью к выходу из гражданства СССР и принятию гражданства КНДР, а также невозможность устроиться на работу по специальности. Ходатайство Ем Те Хо было удовлетворено посольством СССР в КНДР [9. Д. 2630. Л. 12]. И подобных просьб было немало.

После подписания Конвенции между правительствами СССР и КНДР от 16 декабря 1957 г. об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным

гражданством [2. Д. 498. Л. 208] проводилась работа по приёму всех лиц корейской национальности, в том числе и переселённых японскими властями на Южный Сахалин, в гражданство СССР или в гражданство КНДР на основе добровольности. Устанавливалось, что лица считались исключительно гражданами той Стороны, гражданство которой они избрали, а лица, воздержавшиеся от подачи заявлений, считались гражданами той Стороны, на территории которой они проживали. Лица, проживавшие в СССР, но избравших гражданство КНДР, равно как и проживавших в КНДР, но избравших гражданство СССР, наделялись статусом иностранцев. На данном этапе вопрос о гражданстве корейцев — лиц без гражданства и с двойным гражданством, проживавших в СССР и КНДР, был окончательно решён юридически и такových, по разъяснению Первого департамента Азии МИД Российской Федерации, не должно было оставаться. Другое дело, что впоследствии часть граждан КНДР умышленно избавлялась от своих национальных паспортов, хотя продолжала оставаться иностранцами, а часть бывших японских подданных вообще не определилась в своём гражданстве, предпочитая, как и прежде, быть лицами без гражданства.

На межгосударственной договорной основе регулировались вопросы оказания правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам. Граждане КНДР надеялись правом обращаться в суды СССР и пользоваться гражданскими процессуальными правами для защиты своих интересов. Отечественные суды при необходимости и целесообразности могли принимать к исполнению переданные им в установленном порядке поручения судов КНДР о проведении процессуальных действий (вручение повесток и других документов, допрос сторон и свидетелей, проведение экспертизы, осмотр на месте и т.п.) во всех случаях, если это не противоречило суверенитету СССР и не угрожало его безопасности. С другой стороны, отечественные суды имели право по аналогичным вопросам обращаться в суды КНДР.

В декабре 1957 г. вступила в действие Консульская конвенция между СССР и КНДР. Местом пребывания генерального консула КНДР определялся г. Находка, но сфера его деятельности распространялась и на Сахалинскую область, на территории которой производились действия по учёту и документированию граждан КНДР. Консульство выполняло функции по выдаче своим соотечественникам и лицам без гражданства необходимых виз на въезд в Сахалинскую область и на выезд с её территории [12].

Заметим, что подписанные СССР и КНДР Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве от 17 марта 1949 г. [13] и Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 6 июля 1961 г. [14] не предусматривали для вербованных северокорейских рабочих каких-либо социальных льгот с корейской стороны, и они полностью уравнивались с советскими гражданами, т.е. на них распространялся национальный режим Союза ССР.

На 1 января 1964 г. в Сахалинской области проживало 11 288 взрослых корейцев, в том числе 1836 завезённых из КНДР [16. Д. 225. Л. 87]. Многочисленные факты свидетельствовали, что документирование, контроль за их проживанием и передвижением находились в неудовлетворительном состоянии. Особенно тревожили самовольные переезды из одного населённого пункта в другой, проживание по просроченным и скупленным видам на жительство или вообще без документов, удостоверяющих личность. Всё это заставило вынести на обсуждение правительства следующие вопросы: 1. Восстановить

прежний порядок обязательной явки лиц без гражданства один раз в три месяца в органы милиции для перерегистрации. 2. Увеличить с 10 руб. до 30—50 руб. штрафы за нарушение правил проживания и передвижения. 3. Прекратить практику выдачи видов на жительство корейцам, отказавшимся от продления срока действия своих национальных паспортов, а равно и от получения новых паспортов их детьми по достижении 18-летнего возраста, документируя их советскими паспортами при возбуждении ходатайства. 4. В целях наведения порядка в учётных данных получить от корейских государственных органов согласие на то, чтобы при оформлении национальных паспортов в Генеральном консульстве КНДР в г. Находке корейцы в обязательном порядке предъявляли документы, удостоверяющие их личность и гражданско-правовое положение. 5. Урегулировать вопрос о гражданстве тех корейцев, кто прибыл в 1946—1949 гг. из Северной Кореи по трудовым договорам, но отказался от национального гражданства и не желал возвращаться в КНДР по самым различным причинам (смешанные браки, обучение детей в советских школах, нежелание оставлять приобретённое хозяйство) [15. Л. 88].

С 1966 г. корейцам советского гражданства и гражданам КНДР, постоянно проживавшим в СССР, а также членам их семей стали выдаваться разрешения на временный выезд в КНДР для свидания с родственниками (отец, мать, муж, жена, дети, братья, сёстры и их семьи), а также по другим обоснованным частным делам или на постоянное жительство в Северную Корею. По ходатайствам граждан КНДР, проживавшим в этой стране, принимались решения о временном въезде в СССР сроком до трёх месяцев для встречи с родственниками, по другим обоснованным частным делам на более длительный срок, а также на постоянное место жительства в СССР. Новые разрешения, в том числе и для сахалинских корейцев, оформлялись после проверки выезжавших лиц органами милиции и только по разрешению органов госбезопасности [1. Д. 43. Л. 1—3].

В 1950—1960-е гг. сахалинское корейское население подвергалось мощным идеологическим атакам как со стороны властей СССР, так и КНДР. В центре противоборства оказались вопросы гражданства. Советская сторона настойчиво пропагандировала преимущества советского социализма, но в вопросе выбора гражданства никакого давления не оказывала. Власти КНДР через своё Генеральное консульство в г. Находке активно побуждали сахалинских корейцев, прибывших по вербовке, возвратиться в КНДР, а лиц без гражданства призывали стать полноправными гражданами КНДР, принять участие в восстановлении разрушенного войной хозяйства. Корейской молодёжи гарантировалось получение высшего образования в КНДР. Почти во всех городах и районах Сахалинской области пропагандировался лозунг: «Ваша Родина — Корея, и станьте её патриотами».

Пропаганду вели официально действовавшие на территории Сахалинской области так называемые учебные группы (кружки), созданные в 1959 г. по инициативе Генерального консульства КНДР. На основе своей учебной программы они занимались ликвидацией неграмотности, повышением политического и культурного уровня корейского населения, формированием активной жизненной позиции. Изучались также деятельность Трудовой партии КНДР, вопросы текущей политики СССР. Руководителями (старостами) групп назначались граждане КНДР, а пропагандисты определялись местными партийными организациями из наиболее подготовленных ко-

рейцев — граждАН СССР. В 1963 г. действовало 97 учебных групп с общим охватом около 3500 чел. [16. Д. 3. Л. 27].

На первом этапе деятельность групп сыграла заметную положительную роль. Однако впоследствии Генеральное консульство КНДР изменило характер и содержание занятий, наделило их руководителей несвойственными административными функциями, а сами группы превратились в опорные пункты для проведения скрытой от местных партийных и советских органов работы. Они занимались выдачей национальных паспортов, принимали различного рода заявления граждан, рассматривали их жалобы, составляли производственные и служебные характеристики на выезжавших в КНДР корейцев, вели учёт рождений детей, бракосочетаний и других актов записи гражданского состояния, проводили митинги и собрания, тайные встречи на частных квартирах, собирали и передавали сведения, интересовавшие северокорейские власти, в том числе и в отношении корейцев, лиц без гражданства. При этом замалчивалась интернациональная помощь СССР и навязчиво пропагандировались достижения строящегося социализма в КНДР.

От руководителей учебных групп требовалось также «своевременно информировать Родину о технических новшествах в СССР». Допускались даже факты выполнения функций следственных и судебных органов, что приводило к физической расправе с неугодными людьми и защите преступных элементов от правосудия. Корейцам рекомендовалось не посещать никаких массовых общественно-политических мероприятий, ставилось в упрёк, что они живут более обеспеченно, а это ведёт к их обуржуазиванию и потере чувства корейского патриотизма. С участием работников генконсульства на частных квартирах проводились закрытые собрания-сходки, на которых обсуждалось «недостойное» поведение корейцев из числа советских граждан и лиц без гражданства, принимались решения об освобождении от пропагандистской работы тех, кто «не заслуживал внимания» [16. Л. 32].

В целом работа учебных групп имела националистический уклон, возвеличивалась личность руководителя КНДР Ким Ир Сена, чему способствовали северокорейские периодические издания, журналы и книги, которыми были переполнены местные библиотеки, учреждения партийных советских органов, учебные заведения.

В некоторых вопросах проявлялось настолько излишнее усердие, что вызывало негативную реакцию в обществе. Такое случалось в ходе ежегодных сборов денежных средств с корейского населения на приобретение подарков Ким Ир Сenu по случаю дня его рождения. Поборы совершались также в связи с празднованием Нового года по восточному календарю и увековечением боевых подвигов героев КНДР. Такие действия получали осуждение местных партийных и советских органов, корейского актива. Абсурдным выглядело, к примеру, предложение правительства КНДР переселить всех корейцев, не имевших советского гражданства, в один из районов области и организовать там что-то вроде резервации или гетто. Советское правительство категорически отвергло подобного рода идею, так как считало изолированное проживание корейского национального меньшинства открытой дискриминацией. Хотя для корейской стороны это представлялось необходимым в целях последующего группового переселения в Северную Корею. Реакция местных корейцев была крайне негативной: они глубоко разочаровались в политике властей КНДР. Всё это побудило Сахалинский обком

КПСС в октябре 1963 г. поставить вопрос о закрытии учебных групп для северо-корейских граждан и ускорении их выезда в КНДР [16. Л. 28—37].

После усиленной идеологической обработки со стороны Генерального консульства КНДР в г. Находке часть корейцев, бывших японских подданных, всё же принимала северо-корейское гражданство и по приглашению выезжала в КНДР для поступления в вузы без сдачи экзаменов. Жизненные планы строились таким образом, чтобы после учёбы вернуться к родным на Сахалин и получить работу по специальности. Но в действительности этого не происходило. Уровень жизни в КНДР обрекал на нищенское существование. Отправляемые родственниками посылки, различного рода подарки и передачи отбирались на пограничных таможенных постах, где провозглашался принцип: «СССР — страна богатая и должна делиться с дружественной, но бедной Народно-Демократической Кореей». Всякая переписка студентов подвергалась цензуре. А после окончания вузов им приходилось разделять участь обнищавшего корейского народа. Поэтому многие бросали учёбу и бежали в СССР. Однако на границе их задерживали и возвращали обратно; кому посчастливилось вернуться на Сахалин, отказывались от гражданства КНДР.

Таким образом, трудовая миграция из КНДР была обусловлена объективной необходимостью, вызванной острым дефицитом рабочей силы в Сахалинской области, наём и ввоз на Сахалин корейцев из КНДР проходил в 1946—1949 гг. Процесс возвращения корейских рабочих и их семей в КНДР растянулся на несколько десятилетий из-за нищенской жизни в этой стране, так и не завершившись окончательно до настоящего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Сахалинской области (ГАСО). Ф. 53. Оп. 1. Д. 7. Л. 43—48; Л. 48; Д. 11. Л. 11; Д. 23. Л. 31; Д. 43. Л. 1—3; Д. 109. Л. 27; Л. 30.
2. ГАСО. Ф. 53. Оп. 5. Д. 67. Л. 13—14; Д. 498. Л. 208.
3. Чернолуцкая Е. Н. Трудовое и бытовое устройство корейцев на Сахалине в конце 1940-х — начале 1950-х годов // Вестник Центра корееведческих исследований ДВГУ. Владивосток, 2004. № 1. С. 119.
4. Сахалинский центр документации новейшей истории (СЦДНИ). Ф. П-4. Оп. 1. Д. 250. Л. 185; Д. 364. Л. 145—146.
5. ГАСО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 21. Л. 83—85.
6. СЦДНИ. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 65. Л. 3—5.
7. ГАСО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.
8. Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 10.
9. ГАСО. Ф. 53. Оп. 25. Д. 2453. Л. 61; Л. 45; Д. 2630. Л. 12.
10. Оп. 2. Д. 18. Л. 13; Д. 20. Л. 94.
11. ГАСО. Ф. 523. Оп. 3. Д. 1. Л. 16—17; Д. 3. Л. 7.
12. Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 3.
13. Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1949. 22 марта. № 67.
14. Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 36.
15. ГАСО. Ф. 53. Оп. 7. Д. 225. Л. 87; Л. 88.
16. СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 83. Д. 3. Л. 27; Л. 32; Л. 28—37.
17. Забровская Л. В. Власти КНДР и РК в борьбе за симпатии сахалинских корейцев (1990-е годы) // Китай и АТР на пороге XXI века: тез. докл. на IX междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 1998. С. 185—188.